

VIII International Qualification School  
VIII международная квалификационная школа

## РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Валерий Ефремов

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

**Резюме.** Социолингвистические изменения языка (вульгаризация, американизация, влияние на литературный других страт языка и др.) не могли не сказаться на судьбе слов, характеризующих базовые лингвокультурологические концепты ‘мужчина’ и ‘женщина’. Исследование подобного типа номинаций позволяет эксплицировать не только поверхностные, но глубинные трансформации современной языковой картины мира и сознания русского человека.

*Keywords:* social and cultural situation, extralinguistic factors, vulgarization, prostorechie, americanization, etiquette.

Современный русский язык переживает очередную фазу стремительной эволюции, типологически схожую с ситуациями Петровской эпохи или первой четверти XX века. В фундаментальном академическом исследовании «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)» в свое время была предпринята попытка выделить наиболее значимые черты русского языка конца XX – начала XXI вв. Интересно, что многие из отмеченных в ней экстралингвистических факторов, обусловивших стремительное изменение русского языка, продолжают сохранять свою актуальность и по сей день, 20 лет спустя:

«События второй половины 80-х – начала 90-х годов по своему воздействию на общество и язык подобны революции. Состояние русского языка нашего времени определяется рядом факторов.

Резко расширяется состав участников массовой и коллективной коммуникации: новые слои населения приобщаются к роли ораторов, к роли пишущих в газеты и журналы. С конца 80-х годов возможность выступать публично получили тысячи людей с разным уровнем речевой культуры.

1. В средствах массовой информации резко ослабляются цензура и автор цензура, ранее в значительной степени определявшие характер речевого поведения.

2. Возрастает личностное начало в речи. Безликая и безадресная речь сменяется речью личной, приобретает конкретного адресата. Возрастает диалогичность общения, как устного, так и письменного.

3. Расширяется сфера спонтанного общения не только личного, но и устного публичного. Люди уже не произносят и не читают заранее написанные речи. Они говорят.

4. Меняются важные параметры протекания устных форм массовой коммуникации: создается возможность непосредственного обращения говорящего к слушающим и обратной связи слушающих с говорящими.

5. Меняются ситуации и жанры общения и в области публичной, и в области личной коммуникации. Жесткие рамки официального публичного общения ослабляются. Рождается много новых жанров устной публичной речи в сфере массовой коммуникации. Сухой, официально-строгий диктор радио и ТВ сменился ведущим, который размышляет, шутит, высказывает свое мнение.

6. Резко возрастает психологическое неприятие бюрократического языка прошлого (так называемого *новояза*).

7. Появляется стремление выработать новые средства выражения, новые формы образности, новые виды обращений к незнакомым лицам.

8. Наряду с рождением наименований новых явлений отмечается возрождение наименований тех явлений, которые возвращаются из прошлого, запрещенных или отвергнутых в эпоху тоталитаризма» (Земская, 2000: 12–14).

Свобода и раскрепощенность речевого поведения влекут за собой расшатывание языковых норм, рост языковой вариативности (вместо одной допустимой формы языковой единицы оказываются допустимыми разные варианты).

Точную характеристику современного состояния русского языка с позиций лексикографа, для которого всегда принципиально важно отделить единичное и случайное от закономерного и перспективного для языка, дает Г. Н. Скляревская: «Мы имеем уникальную возможность наблюдать и исследовать язык в пору его стремительных и, как кажется, катастрофических изменений: все естественные процессы в нем ускорены и рассогласованы, обнаруживаются скрытые механизмы, действие языковых моделей обнажено, в массовом сознании наблюдаемые языковые процессы и факты оцениваются как разрушительные и гибельные для языка. Такая динамика и такое напряжение всех языковых процессов производят впечатление языкового хаоса, хотя в действительности дают драгоценный и редкий материал для лингвистических открытий» (Скляревская, 1996: 464).

Особое влияние на состояние речевой культуры оказывают средства массовой информации. Каждый человек ежедневно испытывает мощное воздействие телевизионной речи, речи, звучащей в радиоэфире или представленной на страницах газет и журналов, а с начала XXI века еще и в интернете. Качество этой речи, особенно представленной в Рунете (русскоязычный фрагмент интернета) вызывает непосредственный эмоциональный отклик. Именно СМИ и интернет для многих носителей языка сейчас служат основным источником представлений о языковой норме, именно они формируют языковой вкус; со средствами массовой информации справедливо связывают и многие «болезни» языка.

Вместе с тем современный русский язык, по-прежнему относящийся к разряду и международного (официальный язык ООН), и языка межнационального общения и науки (на территории постсоветского пространства), и интернет-посредника, переживает и те явления, которые характерны для большинства мировых языков, имеющих миллионы носителей и широкую сферу применения.

Наша гипотеза заключается в том, что вербализация глубинных концептов человеческого сознания, к которым, безусловно, принадлежат ‘мужчина’ и ‘женщина’, предполагает неминуемую зависимость от тех социокультурных изменений, которые претерпевают как общество и культура, так и язык. Иными словами, на истории трансформации номинации одного фрагмента языковой картины мира можно проиллюстрировать основные социолингвистические изменения современного языка.

Так, на наш взгляд, для современного состояния русской языковой картины мира это взаимовлияние когнитивного и языкового можно рассмотреть через следующие социолингвистические трансформации:

- 1) вульгаризация языка и мышления;
- 2) американизация языка;
- 3) давление просторечия и территориальных диалектов на кодифицированный русский язык;
- 4) попытки вернуться к языку и культурным ценностям дореволюционной России;
- 5) снижение уровня общей культуры и утрата элементов традиционной русской культуры.

1. Как известно, современный русский язык переживает так называемую четвертую волну вульгаризации (Елистратов, 1994: 636), которая представлена в широком распространении разного рода субстандартной лексики: просторечия, жаргона, сленга и т. д. Представляется, что вульгаризация языка и мышления отражается в трансформациях структуры и иерархии вербализаторов концептов ‘мужчина’ и ‘женщина’ как минимум в двух плоскостях.

С одной стороны, актуализируются такие периферийные компоненты системы, как *братан*, *пациан*, *бабаня*, *папаша* и т. п., которые в последние десятилетия потеснили в лексиконе современника ядерные вербализаторы типа *парень*, *старуха* и др. В связи с этим интересно отметить такую особенность просторечного речевого этикета, как появление новых форм обращений (хотя пока и в стилистически сниженных регистрах) в виде трансформированных мужских имен собственных типа «Вован». Отметим, что в наиболее полном словаре русских имен (Тихонов, 1995) среди десятков форм соответствующих мужских ономов зафиксированы *Вован* и *Колян*, но нет имени *Толян*, что, на наш взгляд, свидетельствует о тенденции расширения использования данной словообразовательной модели, которую один из современных исследователей жаргона и субстандартной лексики характеризует следующим образом: «Сравнительно редкий в антропонимной деривации суффикс *-ан* (*Васян*, *Гавран* и под.) содержит только коннотацию разговорности и

фамильярности, тогда как коннотативный диапазон данного суффикса в жаргонных апеллятивах несколько шире: фамильярность здесь более сниженная и более эффективная, что особенно заметно в синонимических вариантах типа *брат* – *братан*, *друг* – *друган/дружбан*, *кореши* – *корефган*, *урка* – *уркан/уркаган*, *лох* – *лохан* и т. д.» (Отин 2006: 78). Отметим, что в современном русском языке данная словообразовательная модель, характерная преимущественно для жаргонизмов, в использовании применительно к именам собственным создает не столько разговорный и фамильярный, сколько весьма сниженный, «прибланенный», оттенок.

С другой стороны, вульгаризация языка отражена и в характерной для конца XX – начала XXI вв. частичной редукции пейоративных коннотаций у таких слов, как *баба* и *мужик*. Не останавливаясь подробно на pragматической судьбе этих номинаций, отметим лишь два примера, довольно ярко представляющие современную языковую действительность:

а) использование в авторской (!) сфере рассказчицы слова *баба* с положительными коннотациями, почти как комплимента, в финальном предложении рассказа «Козья нога» (2005) одного из лучших современных писателей – Л. Улицкой: «Потрясающая *баба* эта Ханнелоре»;

б) 14.02.2008 г. в Новосибирске при обсуждении демографических проблем российского общества тогдашний президент РФ Д. А. Медведев акцентировал внимание присутствующих на том, что «<В России> здоровые *мужики* травятся суррогатом». Кстати, данная реплика – пример своего рода «гендерной корпоративной этики»: только «настоящий мужик» может назвать другого мужчину «мужиком».

2. В качестве примеров американизации русского языка на лексическом уровне можно привести появившиеся в последние 15–20 лет номинации таких реалий, как *мачо*, *бизнес-леди*, *секс-бомба*, *женщина-вамп* (ср. заимствование начала XX в. из фр. *la femme fatal*), *супермен* (переосмысленный современной русской культурой через американскую традицию поп-культуры термин Ф. Ницше) и мн. др.

За последние несколько лет глянцевые издания подчас весьма настойчиво пытаются внедрить в русский язык такие слова (а вместе с ними и представления о новых реалиях), как *метросексуал* (ОМ. 2002. №3), *ретросексуал* (слово вошло в английские толковые словари в 2005 г., одновременно через интернет попало в русский язык и с тех пор периодически обнаруживается на страницах прежде всего женских изданий), *оберсексуал* (Elle. 2006. №2), *хаммерсексуал* (Esquire. 2006. №10), *ламберсексуал* (появился в 2014 г. в интернет-журнале *GearJunkie*) и другие, аналогичные приведенным. Большие тиражи популярных изданий, особое внимание современных СМИ и интернета к гендерной проблематике предопределяют распространение такого рода «терминологии» среди широкого круга русскоговорящих людей, прежде всего молодого и среднего поколений.

Отдельного разговора заслуживает судьба номинации *мачо* в современном русском языке, лексикографическая история которого в русской традиции ве-

сьма коротка: впервые зарегистрированное в (Новое в... 1994), слово так до сих пор и не попало ни в один из толковых словарей русского языка. О неактуальности *мачо* еще для 1990-х годов свидетельствует и его отсутствие в обратном томе «Русского ассоциативного словаря»: если слово и было известно молодежи 80 – 90-х, то, по-видимому, находилось в глубоком пассивном запасе и воспринималось исключительно как экзотический феномен латиноамериканской культуры.

Однако с начала XXI в. понятие ‘мачо’, первоначально бытовавшее в качестве «лингвокультурного типажа» («типовизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемой по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» (Карасик, 2005: 57), актуализируется и становится весьма популярным в русской культуре. Так, по данным (Национальный корпус...), с каждым годом частота употребления слово увеличивается. Поисковые программы Рунета на июль 2016 г. выдают одиннадцать миллионов ссылок, фиксируя огромную популярность слова *мачо* в текстах различной стилевой принадлежности: от разговорной речи, представленной сетевыми форумами и живыми журналами, до публицистики, как глянцевой, так и аналитической, и научной литературы.

Время от времени возникают попытки ввести в язык пока еще «неолитературенные» дериваты: по данным портала Яндекс.ру, в Рунете вслед за разговорной и жаргонной речью зафиксированы такие уже неокказиональные, а потенциальные слова, как *антимачо* (более 3.000), *недомачо* (около 5.000), *полумачо* (2.000) и даже *гипермачо* (более 400) и *сверхмачо* (более 500). Одновременно сленговое слово *мачистый* (‘такой, как мачо’ и ‘относящийся к образу или поведению мачо’) и *мачистее* имеет уже более 13.000 употреблений. Подобного рода словообразовательное усвоение слова – верный признак его актуальности для эпохи и культуры, свидетельство того, что оно прижилось в русском языке и останется, по-видимому, надолго. Понятийная и образная составляющая создают фундамент для ценностного плана ‘мачо’ как особого типа мужского поведения, характеризующегося ярко выраженной брутальностью, сильным зарядом примитивной сексуальности, доминированием «самцовости» в мировоззренческих установках личности, связанной с подчеркнутой демонстрацией мачизма.

Таким образом, в переломную эпоху смены социальных, политических, культурных и мировоззренческих представлений современника концепт ‘мачо’ пришелся как нельзя кстати для русской языковой картины мира, выполнив замещающую функцию, связанную с устранением несовпадения традиционного, представленного в русском патриархатном языке, образа мужчины с реальным, трансформированным современным обществом и культурой, образом россиянина.

3. Давление просторечия и территориальных диалектов на кодифицированный русский язык особенно сильно обнаруживается в области речевого этикета и номи-

нации незнакомых лиц. Обращения типа *мать*, *отец*, *бабушка*, *дедушка* и т. п., не столь характерные для этикета середины XX в., все активнее и чаще используются в обиходной речи. Нетрудно заметить, что при такого рода употреблении прямое, но-минативное значение слова трансформируется до прототипического ‘человек такого-то пола такого-то возраста’. Стоит отметить, что подобный процесс семантической редукции в целом – отличительная особенность просторечия (Журавлев, 1984: 123).

Сюда же следует отнести и широкое распространение в общественном транспорте и на улице просторечных форм обращения к незнакомым людям типа «*Мужчина!*», «*Женщина!*», а также расширение использования среди женщин преклонного возраста (и зачастую невысокого социального статуса) некогда ироничного обращения «*Девочки!*». Попутно отметим наличие гендерной асимметрии в русском речевом этикете, связанном с невозможностью употребления в классической сугубо мужской коммуникации симметричного обращения «*Мальчики!*».

Как относительно новую можно определить тенденцию использования в качестве обращения к незнакомой женщине номинации *тетка*. Словарь (Балакай, 2004) дает такое определение: «*Прост. и обл.* Грубоватое (преимущ. мужское) обращение к незнакомой пожилой женщине из простонародья». Концепт ‘тетка’ актуализируется в современной культуре, выполняя, как представляется, функцию некоего посредника между вербализаторами (субконцептами?) *женщина* и *баба* (в связи с этим см. интереснейшую художественную интерпретацию понятия ‘тетка’ в романе Т. Москвиной «Она что-то знает...»).

4. Попытки вернуться к языку и культурным ценностям дореволюционной России отражены в трансформациях концептуального пространства «мужчина – женщина» в различных направлениях. С одной стороны, в эпизодических попытках общества вернуться к дореволюционным этикетным формам, в частности, обращениям типа *сударь*, *сударыня*, *барышня* и т. п. Однако такого рода реабилитация старых этикетных клише в некоторых случаях может привести к коммуникативному сбою или даже неудаче (ср. использование обращения «*барышня*» применительно к женщине-продавцу).

С другой стороны, ряд устаревших слов переживает не только возвращение из пассивного запаса, но и трансформацию прежнего лексического значения. Так, актуализировавшееся в последнее время в речи усредненной языковой личности (особенно женщин среднего возраста) слово *дама*, не сохраняет значение и понятийное наполнение, присущее ему в XIX в. Вот как описывается классическая русская дама в: (Аркадьева и др. 2005):

**ДАМА.** В России до 1917 г. – женщина, принадлежавшая к привилегированным сословиям. Дама должна была отвечать определенным требованиям, условиям, например, дамы носили шляпу и перчатки даже в помещении, не выполняли хозяйственных работ (для этого держали прислугу), приличным занятием для дам считалось рукоделие, допустимым – варка варенья; из дома дамы выходили только в сопровождении мужа (или компаньонки, горничной, лакея).

5. Низкая общая культура современника и утрата элементов традиционной русской культуры также не могли не сказаться на трансформации структуры и иерархии вербализаторов концептов ‘мужчина’ и ‘женщина’. Прежде всего, это проявляется в увеличении степени агнонимичности не только периферийной, но и ядерной части описываемого пространства. Так, по моим наблюдениям, у современного молодого русскоговорящего человека определение даже таких слов, как *вдова/вдовец*, может вызвать определенного рода затруднения и редуцироваться до «просто» ‘мужчина’/‘женщина’ или ‘хозяин’/‘хозяйка дома’ (именно такие дефиниции этих слов дала одна из абитуриенток на устном вступительном экзамене по русской литературе).

Другой пример агнонимии слов и реалий XIX века – непонимание, например, таких фрагментов классических текстов, как «*Ее девушка была с ней в сговоре*» (А. С. Пушкин, «Метель») или предложение из письма Н. В. Гоголя: «*Не забывайте особенно приказывать хоть кому-нибудь из комнатных девушек поливать их (овощи)*» (к М. И. Гоголь, май 1834). Молодой (к сожалению, и не только!) современник практически не прочитывает в данных контекстах значение слова *девушка*, которое вообще-то во всех современных толковых словарях фиксируется и определяется как ‘служанка в барском, помещичьем доме’.

Таким образом, можно утверждать, что переживаемые в последние 10 – 20 лет разнообразные социальные, культурные, идеологические и т. д. метаморфозы жизни общества не могут не отразиться как на его культуре, так и на языке в целом. В качестве «лакмусовой бумажки», выявляющей даже минимальные процессы окисления языка, можно предложить вербализаторы концептов ‘мужчина’ и ‘женщина’ как одних из архетипических для языкового сознания.

## REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

- Arkadieva, T. i dr. (2005). *Slovar' russkikh istorizmov*. Moskva: «Vysshaya skola» [Аркадьева, Т. и др. (2005). Словарь русских историзмов. Москва, «Высшая школа»].
- Balakay, A. (2004). *Tolkovy slovar' russkogo rechevogo etiketa*. Moskva: «AST-PRESS» [Балакай, А. (2004). Толковый словарь русского речевого этикета. Москва, «АСТ-ПРЕСС»].
- Elistratov, V. (1994). *Argo i kul'tura* // V. Elistratov. *Slovar' moskovskogo argo*. Moskva: «Russkiye slovari» [Елистратов, В. (1994). Арго и культура // В. Елистратов. Словарь московского арго. Москва, «Русские словари»].
- Zhuravlyov, A. (1984). *Inoyazychnye zaimstvovaniya v russkom prostorechii* // Gorodskoe prostorechie: Problemy izucheniya. Moskva «Nauka» [Журавлев, А. (1984). Иноязычные заимствования в русском просторечии // Городское просторечие: Проблемы изучения. Москва, «Наука»].

- Zemskaya, E. (1996). *Vvedeniye // Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya* (1895 – 1995). Moskva: «Yazyki russkoy kul’tury» [Земская, Е. (1996). *Введение // Русский язык конца XX столетия* (1985–1995). Москва, «Языки русской культуры»].
- Karasik, V. (2005). *Lingvokul’turny tipazh «superman» kak kontsept // Inaya mental’nost’* / V. Karasik i dr. Moskva: «Gnozis» [Карасик, В. (2005). *Лингвокультурный типаж «супермен» как концепт // Иная ментальность* / В. Карасик и др. Москва, «Гнозис»].
- Natsional’ny korpus... *Natsional’ny korpus russkogo yazyka* // <http://www.ruscorpora.ru/> [Национальный корпус... *Национальный корпус русского языка* // <http://www.ruscorpora.ru/>].
- Novoe v... (1994). *Novoe v russkoy leksike: Slovarnye materialy-1991*. Moskva; Sankt-Peterburg: «Russkiy yazyk» [Новое в... (1994). *Новое в русской лексике: Словарные материалы-1991*. Москва; Санкт-Петербург, «Русский язык»].
- Otin, E. (2006). «*Vse menty – moi kenty...*». Moskva: «Ehlpis» [Отин, Е. (2006). *«Все менты – мои кенты...»*. Москва, «Элпис»].
- Sklyarevskaya, G. (1996). *Russkiy yazyk kontsa XX veka: versiya leksikograficheskogo opisaniya // Slovar’*. Grammatika. Tekst. Moskva [Скляревская, Г. (1996). *Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь*. Грамматика. Текст. Москва].
- Tikhonov, A. (1995). *Slovar’ russkikh lichnykh imyon*. Moskva: «Shkola-Press» [Тихонов, А. (1995). *Словарь русских личных имен*. Москва, «Школя-Пресс»].

## RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEMPORARY WORLD

**Abstract.** Various sociolinguistic changes (i.e. vulgarization, Americanization, the impact on the literary language of other substandard strata, etc.) have a direct impact on the evolution of the words describing the basic social and cultural concepts like ‘man’ and ‘woman’. The study of such nominations is possible to explicate both surface and deep transformation of modern language picture of the world and Russian linguistic mentality.

 **Prof. Valeriy Efremov, DSc.**  
Russian Language Department  
Herzen State Pedagogical University of Russia  
Saint Petersburg, Russia  
E-mail: valef@mail.ru